

ГОД ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА

Роль педагога, наставника, учителя, ментора в жизни каждого человека трудно переоценима. Имя и отчество первого школьного учителя запоминается навсегда. Каждый помнит и тех, кто разбудил в душе любовь к предмету, который стал любимым, который направил юную душу к вершинам познания уже в высшей школе.

Особое место в развитии каждой личности принадлежит и практикам преподавания гуманитарных дисциплин — в первую очередь литературы. В то же время педагогическая общественность в последние годы фиксирует тревожное положение именно в сфере преподавания литературы в школе.

Виртуальный круглый стол «Невы» собрал людей, имеющих собственное мнение по ряду актуальных вопросов в этой области. А начинают разговор писатель Александр Мелихов и поэт и педагог Вадим Пугач — с обмена мнениями по проблемам эстетических аспектов преподавания литературы в школе.

Вадим Пугач. Есть существенная разница между преподаванием литературы в школе и в филологическом вузе. В вузе изучается не столько литература, сколько наука о литературе — и это нормально. Люди сознательно (полусознательно, бессознательно) выбрали специализацию, тут не место дилетантизму. В школе все не так. «Школьное» литературоведение представляет собой жалкую картину. Разрыв между «школьным» разбором и реальной филологической наукой, которая в XX веке у нас поднялась на невероятную высоту (Шкловский, Эйхенбаум, Фрейденберг, Ярхо, Жирмунский, Томашевский, Лосев, Тынянов, Пропп, Лотман, Гинзбург, В. В. Иванов, М. Гаспаров, Б. Гаспаров, Е. Эткинд, Аверинцев, Маркович — это только часть списка филологов мирового уровня, которые приходят на ум), чудовищен. Пока ученые совершали открытия, методисты составляли план разбора, включая в него такие вопросы: «О чем это стихотворение?», «Что хотел сказать автор?» и «Чему нас учит это произведение?». Помню, как над первым из этих вопросов потешался В. Г. Маранцман, говоря, что ответы «О жизни» или «Обо всем» придется признать исчерпывающими, а второй и третий стали уже настоящими мемами. Учителя до сих пор предлагают вычленивть в художественном тексте тему, проблему и основную идею, не понимая самой природы художественного текста. Между тем именно такую «науку» о литературе предлагает школа. Литературе как искусству слова не уделяется места вовсе, хотя такое определение мы встретим в каждом учебнике. Развитие речи ограничивается пересказом или сочинением-рассуждением — искусственным жанром, в котором, по сути, нет ни сочинения (само слово как бы предусматривает использование творческого начала, но творчество не слишком приветствуется), ни рассуждения — даже по Аристотелю... Я думаю, в школе надо говорить о литературе только как об эстетическом феномене — и, соответственно, ставить задачу воспитывать вкус и интерес к чтению. Если при анализе текста (настоящем, не школьном) понадобится обратиться к филологии, это можно сделать, чтобы научиться доказывать свою точку зрения на достоинства и недостатки произведения. Дорости до культуры наслаждения словом — вот цель ученика в этом процессе. Не прочитать определенное количество книг, не выучить сотню терминов, а обрести умение ловить кайф от хорошей рифмы или отлично работающей грамматической ошибки. Не придумывать на ровном месте «символическую» интер-

претацию, а ценить цельность образа. Но от такого преподавания литературы в школе мы бесконечно далеки.

Александр Мелихов. К чему-то похожему еще в 70–80-е подходила Лия Михайловна Предтеченская, разработавшая курс МХК — мировой художественной культуры: в школу должны прийти не рассказы об искусстве, а само искусство — литература, музыка, живопись. И главной целью урока должно сделаться не знание, а эстетическое переживание. А потому и учебные пособия должны сами сделаться художественными произведениями, это был ее принцип — преподавать искусство средствами искусства. Поэтому авторами таких пособий должны стать писатели. Эту же идею применительно к литературе когда-то выдвинул Николай Крышук, но не был услышан. А Лия Михайловна при моем посредничестве привлекла к работе нескольких молодых тогда писателей, и такой живой книжки для школьников я не припомню. Правда, я и не знаток. Я и сам написал несколько эссе о Пушкине, Лермонтове, о «сложных» художниках XX века — эти эссе выходили брошюрками, а потом я их включил в свои книги «Под шитом красоты» и «Колючий треугольник».

Лия Михайловна для своей учительской команды организовала специальные курсы, приглашая ярких литературоведов и искусствоведов, и победила: курс МХК был утвержден в качестве обязательного. Сразу же начались трудности, неизбежные при переходе от лабораторного производства к массовому: «Погубят, погубят ребенка!» — повторяла Лия Михайловна, имея в виду школьных методистов. Но революция лавочников положила конец спору писателей и методистов — давно нет ни Лии Михайловны, ни курса МХК, каким он ей грезился. Так не грезится ли и вам нечто подобное?

В. П. В школе действительно не занимаются воспитанием вкуса, не работают над развитием чувства языка. При этом потребность в искусстве у человека никуда не девается, только удовлетворение этой потребности не связывается с формальным образованием. Дети все равно слушают музыку, смотрят фильмы, создают граффити, читают комиксы. Чтобы они научились «тащиться» от Пушкина, нужна большая работа. Век назад известный методист Мария Александровна Рыбникова предложила следующую логику: двигаться от маленького писателя к большому читателю. В школе нужно учить практике творчества, работать не только с изложениями и сочинениями, но постоянно упражняться в разных жанрах — от «пирожков» и «порошков» до коллективных романов. Но это только одна сторона. Другая — чтение. Нельзя заставлять читать, любая идея обязательной программы сейчас провалится. Лучше прочитать в классе фрагмент или фрагменты, которые могут заинтересовать ребят, озадачить их. Приведу несколько примеров. Скажем словосочетание «пламень голубой» сейчас, скорее всего, вызовет ассоциации с «Газпромом», а ведь над этим пламенем трудились в свое время Вяземский и Пушкин... Вяземский в стихотворении, посвященном блистательной салонной красавице Елене Михайловне Завадской, писал о «пламени голубом... девственных очей», а Пушкин через год в «Медном всаднике» передразнил приятеля, сочинив «пунша пламень голубой». Или можно послушать романс А. Верстовского «Черная шаль» на стихи Пушкина — это же целая опера, а потом — заводную песню группы «Монгол Шуудан» на те же стихи. И спросить: кто лучше понял Пушкина — его современник Верстовский или лихие ребята из современной группы? И окажется, что пародийную природу «Черной шали» наши современники поняли, а Верстовский был просто не готов воспринять тонкую пушкинскую издевку над романтизмом. Правда, через пару лет сам Пушкин тот же сюжет реализовал в действительно трагических «Цыганах». То есть не всегда трагедия предшествует фарсу, в литературе бывает и иначе. А дурочка Феклуша из «Грозы» Островского, которая задолго до Эйнштейна выдвигает идею «умаления времени» при ускорении истории? А чу-

десное слово «распуковка», мелькающее в «Снегурочке»? А реплика Катерины Измайловой «Проехали» в лесковской повести «Леди Макбет Мценского уезда»? Разве так говорили более полутора столетия назад? А слово «Господи» в устах Сонечки Мармеладовой, которое неожиданно для автора из междометия превращается в обращение? Литература (я думаю, изучение языка тоже может строиться так) полна странностей, парадоксов, лингвистических загадок. Если учитель сам их видит и умеет обратиться на них внимание школьников, то и воспринимается сам предмет совершенно иначе. Пусть ребенок и прочитает немного, но не вынесет из школы стойкого отношения к чтению...

А. М. Над преподаванием литературы, над штампами гимназических сочинений потешался еще Влас Дорошевич, и, сколько я себя помню, интеллигентные люди говорят и пишут о том, что школа убивает любовь к литературе, однако не меняется практически ничего. Но может ли такое быть, чтобы на нашей стороне, на стороне тех, для кого литература прежде всего эстетический феномен, были все эстетически искусственные люди, а на стороне тех, для кого литература — «школьный предмет», были одни догматики и тупицы? Не пора ли вспомнить разумный социологический принцип: всякое в течение длительного времени неустраняемое социальное явление выполняет какую-то важную социальную функцию, — осталось задуматься, какую социальную функцию выполняет преподавание литературы?

Почему мы не слышим жалоб, что преподавание химии убивает любовь к химии, а преподавание экономической географии убивает любовь к экономической географии? Да потому, что никто не питает иллюзий, будто химия и экономическая география могут сделаться предметом массовой любви. Их достаточно знать, пока учишься в школе, а за пределами школы помнить хотя бы основные факты и понимать, что те, кому надо, все это знают. Это тот необходимый минимум, без которого не может существовать современное цивилизованное общество.

Так не ставит ли преподавание литературы те же самые не эстетические, а социальные цели: дать минимальный набор имен, названий, терминов и формул, которые позволяют членам социума ощущать принадлежность к общей культуре. А эстетические переживания всего лишь побочный эффект, без которого можно обойтись. Хотя, конечно, лучше, если он есть. Как, скажем, приятный вкус у пищи, хотя главная ее функция не в удовольствии, а в питании организма. В данном случае не индивидуального, а социального. Только когда решена главная, социальная задача, можно подумывать и об удовольствии.

Чтобы дети научились «тащиться» от Пушкина, нужна большая работа, пишете вы. Но я уже в третьем-четвертом классе, оставшись дома один, восклицал в священном безумии: «Лемносский бог тебя сковал для рук бессмертной Немезиды!» — весьма смутно представляя, кто они такие. Но я именно что для звуков жизни не щадил, тащился так тащился. При этом никто со мной не проделывал никакой работы, я был целыми днями предоставлен самому себе. И Пушкиным родители не увлекались. Так что сейчас я дерзну высказать еретическую (антидемократическую) мысль: люди, способные «тащиться» — испытывать эстетическое потрясение — от классической прозы, от классической поэзии, составляют долю населения того же порядка, что и люди с хорошими математическими или музыкальными способностями. Однако никто не видит ничего антидемократического в том, что в музыкальные и математические школы отбирают лишь особо одаренных детей, и только для развития вкуса к серьезной прозе, к серьезной поэзии якобы особых способностей не требуется. Хотя они нужны ничуть не меньше, и только этому особо одаренному меньшинству и можно внушить ту любовь к литературе, которая наполняет нашу с вами жизнь смыслом и красотой.

А как ее привить остальным? Да никак. Им нужно дать положенный социальный набор. Пробудить же у них интерес к литературе тем, чтобы озадачить, обратить внимание на странности и парадоксы... Наверно, это неплохо, поскольку высокие эстетические потрясения им все равно малодоступны. По крайней мере, будут меньше скучать при овладении социальным минимумом.

А вот чтобы «тащились» от Пушкина те, кому их природные данные открывают такую возможность, им нужно прежде всего раскрывать красоту его поэзии, делиться прежде всего восхищением. Пушкин, правда, частенько пародировал свои высокие порывы и образы: случка с музой, Татьяна мнет в руке бумажку... В точности по Бергсону: юмор осмеивает механическую повторяемость, неизменность, а пафос весьма склонен требовать неизменного почтения к себе. Но пафос и пародия должны следовать именно в таком порядке — сначала красота и лишь затем ее снижение. Шутить над тем, что любишь и понимаешь, означает приближать его к себе, делать любовь более интимной и теплой. Но шутить над тем, чего не любишь и не понимаешь, означает окончательно обесценивать его, — лучше уж тогда почтение без понимания. Искусство без такого почтения в демократическом обществе выжить не может.

В. П. Да, тут враз не ответишь... Попробую по пунктам.

А) Не думаю, что преподавание именно литературы как отдельного предмета так уж важно. Вообще считаю, что реальных, а не школьных предметов всего три: мир, человек и текст. Но без них уж никак не обойтись. И я бы не стал разводить эстетическую и социальную функции, потому что эстетическая функция может быть только социальной — это ведь исключительно человеческая потребность, а человек — социальное существо. Эстетические, как и познавательные, потребности есть у всех людей; удовлетворяются они по-разному.

Б) Александр, если вы не слышали жалоб, что школа убивает любовь к химии и экономической географии, то готов поделиться собственным образовательным опытом. Я еще в дошкольном возрасте и в первые школьные годы много читал (то есть перечитывал: мог прочесть «Детей капитана Гранта» и тут же начать читать заново; то же самое происходило с «Туманностью Андромеды», учебниками по истории — вплоть до вузовских — и еще с несколькими книгами), интересовался историей, географией, физикой, даже отчасти математикой. В школе мне быстро объяснили, насколько это все незанимательно, так что к старшим классам остался интерес только к литературе — и не благодаря учителям (первый учитель, который полностью отвечал моим чаяниям, мне встретился только в последние два года учебы), а потому, что ходил в студию В. А. Лейкина и был уверен, что я поэт.

В) См. пункт А). Дать минимум сведений о литературе — это ложная цель, которую действительно зачем-то ставит школа. Именно поэтому этот минимум и не осваивается. А настоящая потребность — в эстетической радости — удовлетворяется случайно, если учитель попался приличный. Причем даже необязательно литератор. Я, например, учился когда-то в книготорговом техникуме, где были потрясающие преподаватели по зарубежной литературе, истории книги, издательскому делу, политэкономии. Преподаватель по устному счету давал мне самиздатовского Набокова, историк книги руководил моим чтением, выборочное чтение Данте на зарубежке вылилось в устойчивый интерес к итальянской культуре, наш политэконом в начале 80-х предсказывал экономический крах СССР... Мне кажется, нельзя считать эстетические переживания чем-то побочным, наоборот, уверен, что именно эстетическое чувство народа — ведущая историческая сила. И некоторые ваши реплики в романах и книге «Под щитом красоты» подсказывают мне, что вы и сами так думаете. Но куда эта сила ведет — это уже зависит от качества эстетического чувства.

Г) Нет ничего антидемократического в том, чтобы считать высокое искусство — не только в смысле создания, но и в смысле потребления — продуктом не для всех. Это абсолютно естественно. Но шанса заслуживают все. Я вижу, что происходит с детьми, когда они попадают на наши программы в ОЦ «Сириус». Самое главное — удивление: как, оказывается, можно так жить и думать? Уайльд как-то сказал, что он легко отказался бы от необходимого, но не может жить без излишнего. Но это и есть настоящая человеческая черта, вечно разрушающая на фуфу построенную пирамиду Маслоу. Забудьте о минимуме, дайте детям избыточное — это то, что им действительно нужно.

Д) И о смерти искусства. Оно-то выживет в любом случае. Мы не знаем ни одной эпохи, включая доисторическую, когда бы в человеческом обществе не было искусства или того, что станет искусством потом. Даже если книгу не читают, она от этого не становится хуже. Надеюсь, вы не посчитаете лестью или грубостью следующее: Пелевин и Сорокин намного популярнее вас, но их романы от этого не становятся лучше, а ваши не становятся хуже оттого, что их читают немногие. Многие ли читают Заяицкого, Кржижановского, даже гениального Платонова? Нечтение не убивает искусство. Я вообще думаю, что нечтение — это нормально. Когда-то создалась иллюзия (лет шестьдесят тому назад), что у нас самая читающая страна, а потом, когда мы вернулись в обычное состояние, стали плакать, что все перестали читать. Да во всей истории человечества всего лишь в одной стране (нашей) лет тридцать — ничтожное историческое время — люди читали. Ну, пережили эту аномалию и забыли о ней. Но ни эстетические потребности, ни искусство никуда не исчезнут.

А. М. Четверть века в математике убедили меня в том, что считаться стоит только с мнением знатоков. Великую математику XIX века создали что-нибудь с полсотни человек, великую литературу примерно столько же, а понимать и ту и другую способны в тысячи раз больше потребителей, но не в миллион. Что такое признание в математике? Ты приезжаешь с докладом в Москву в институт, где занимаются твоей проблемой, и тебя съезжается слушать вся Москва — девять-десять человек. И если они тебя признают, тыходишь в научную элиту в своей узкой области. А если не признают, тебе ничто не поможет — втюхать им фуфлю абсолютно невозможно. Ты можешь прибить какие-нибудь нежные части к мавзолею, можешь объявить по телевизору, что ты крупнейший математик всех времен и народов, — ничего, кроме злых насмешек, у них это не вызовет. Математика — аристократическое занятие, и серьезная литература тоже. Они обе стремятся не к широте, а к долготе, критерий успеха и там, и там не тиражи, а долговечность. И недавняя премия имени Фазиля Искандера порадовала меня прежде всего тем, что в жюри было несколько крупных мастеров, которых я давно знал и уважал. Аристократическое меньшинство умеет хранить своих кумиров, а толпа свои моды, управляемые моды, меняет каждый сезон. И я не представляю, каким образом преподавание в школе может решать одновременно две эти совершенно разные задачи.

Да, эстетическая потребность социальна по происхождению, но социальная ее функция государственным людям не ясна. Я действительно не раз писал о том, что когда общество утрачивает художественное зеркало, в котором оно видит свой нелакированный, но высокий, значительный образ, оно начинает страдать от эстетического авитаминоза. Алкоголизм, наркомания, немотивированная преступность, экстремизм — все это в значительной степени симптомы эстетического авитаминоза. От этого недуга не в последнюю очередь распался Советский Союз — мы перестали ощущать свою жизнь если уж не красивой, то, по крайней мере, значительной. Так что методика преподавания литературы может измениться лишь после того, как государственная власть осознает важнейшую социальную роль эстетической функции художественной лите-

ратуры. Мой одинокий голос уже много лет остается голосом вопиющего в пустыне. Пирамида Маслоу, как и экономический материализм, уверяющий нас, что дух вырастает из сытости, как и всякая пошлость, у толпы по-прежнему считается верхом мудрости.

Но если даже отрешиться от этой глобальной задачи, все равно остается неясным, как можно одновременно, на одном уроке удовлетворять совершенно различные эстетические потребности количественно незначительного меньшинства и преобладающего большинства. В аристократическом обществе меньшинство имело возможность навязывать свои вкусы через механизмы престижа и подражания, но в демократическом обществе эти механизмы исчезли. Роль аристократии в этом случае должно было бы взять на себя государство, но ведь и государство должно угождать большинству. Не говоря уже о том, что именно из него и выходит властная элита.

В. П. Честно говоря, меньше всего хотелось сворачивать к политике. Но свернули так свернули. К сожалению, от государства действительно кое-что зависит. Например, разработка стандартов образования и заказа на образовательные программы. Интересно, что бы сказали представители той самой полусотни великих (впрочем, думаю, великих писателей все же больше, чем полусотня), скажем, Достоевский или Толстой, услышав применительно к образованию слово «стандарт»? Сомневаюсь, что они одобрили бы идею стандарта. Когда Бунину нужно было дать стандартный образец, он лишил своего господина из Сан-Франциско имени. Мне видится, что надо идти не по пути формулирования стандарта, а по пути демонстрации ориентира — так было поставлено дело в классических Афинах, где с образованием все было сравнительно неплохо. А ориентир — всегда привлекательный художественный образ. И тут-то и нужна литература (не как школьный предмет, а как способ эстетического освоения мира человеком), и тут-то и нужен педагог-эксперт, который поможет отличить дешевку от настоящей ценности. Не уверен, что в этом может помочь государство, в итоге оно всего лишь форма организации сообщества. Какие законы или меры ни принимай, желающему утопиться это не помешает утонуть. А вот желающий выплыть должен учиться плавать. Я обычно в процессе работы опираюсь на два аргумента. Один — совсем недемократический, когда на очередную реплику, что о вкусах не спорят, говорю, что вкусы бывают разные, но у меня хороший. Другой — структуралистский анализ, который почти объективно позволяет установить в тексте единицу значимости. Чем меньше эта единица (например, звук или морфема), тем лучше произведение. Чем она крупнее (значимость возникает на уровне сюжета, а слова могут быть легко изменены или переставлены), тем произведение хуже. Так я показываю ученикам какой-то ориентир, но не дай бог мне думать, что я могу кого-то воспитывать или что-то формировать. Просто стараюсь думать вместе с ребятами о литературе и языке, вовлекать их в процесс совместного получения удовольствия от общения по поводу текста. И в занятиях со студентами и учителями стараюсь их настраивать на ту же волну. На которой как раз и можно выплыть...

А. М. Если мы недовольны положением дел в государственных школах, то и изменить его без помощи государства мы не можем. Если даже государство всего лишь форма существования общества, то именно оно определяет формы собственности, которые в огромной степени определяют нашу судьбу и даже ход истории, именно оно решает, быть войне или миру, именно оно прокладывает дороги, по которым мы ходим и ездим, именно оно определяет, газифицировать поселки или зарабатывать валюту и так далее и так далее. И если мы всерьез озаботимся количеством несчастных случаев на воде, то мы должны будем обратиться к государству, чтобы оно приступило к массовому строительству бассейнов и обучению детей плаванию, примерно как это делается в Голландии. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих — в личной

жизни каждый поневоле придерживается этого правила, но если мы хотим изменить положение в массовых школах, то мы должны предложить какие-то более или менее универсальные рекомендации. И ваша идея демонстрации ориентира представляется мне крайне плодотворной. Есть ли у вас на примете такой образец реальный или литературный типа, скажем, «Педагогической поэмы»? И к какому кругу профессионалов вы бы посоветовали обратиться, чтобы придать нашей дискуссии и широту и глубину? Давайте составим список вопросов, с которыми попытаемся обратиться к педагогам и писателям.

В. П. Видимо, тут потребуются два круга профессионалов: собственно преподаватели литературы и педагога и психологи, интересы которых — организация школы в целом, дидактика и методика, личность в массовой школе и т. д. Не думаю, что здесь стоит перечислять конкретные фамилии, но составить при необходимости такой список было бы нетрудно. Точно посоветовал бы обратиться к моим коллегам по Институту педагогики СПбГУ. Знаю многих методистов, педагогов, психологов не только в Петербурге, но и в Москве, Екатеринбурге, Челябинске, Казани и других городах, которые могли бы поделиться своим экспертным мнением о положении массовой школы в целом и преподавании литературы в частности. Можно, конечно, подключить и писателей — как людей, нечуждых искусству и образованию и несколько более других заинтересованных в искусстве слова.

* * *

1. Какое место должна занимать литература в содержании школьного образования?
2. В каком соотношении должны находиться национальный литературный канон и школьная программа?
3. Нужны ли элитарные литературные школы?
4. Очевидный кризис современной массовой школы — это кризис роста или агония?
5. Какие альтернативные практики в организации образования, на Ваш взгляд, было бы полезно внедрить в школьную систему?
6. Каким образом можно пробудить эстетические переживания в школьниках, чьи возможности по этой части значительно различаются?
7. Имеется ли у Вас пример учителя или урока литературы — это может быть и художественный образ, — который Вы могли бы предложить в качестве образца?

**Дмитрий Воронин,
писатель, педагог (Калининград)**

1. Литература обязана занимать значительное (основополагающее) место в школьном образовании в тесной связке с историей.
2. Школьная программа должна определяться исходя из национального литературного канона. В результате курса обучения у ученика должно складываться четкое представление (знание) о родной литературе и национальных писателях-классиках.
3. Нет, не нужны. Нужно эффективное преподавание литературы в общеобразовательных школах.
4. Кризис современной массовой школы очевиден. Пока это не агония, но постоянные непродуманные действия по реформе образования могут к ней очень скоро привести.
5. Никаких! Для классической общеобразовательной школы «альтернативные» практики противопоказаны.

6. Эстетические переживания школьников можно пробудить знакомством с выдающимися явлениями культуры, а также участием в культурном процессе своего поселка, города, региона...

7. В девятом классе у меня сменился классный руководитель — учитель русского языка и литературы. Новый педагог, Роза Александровна Юнерман, настолько ярко раскрыла свой предмет, что я из завязатого троечника к концу года превратился в круглого отличника (по литературе), а к окончанию школы уже не мыслил своей жизни без книги. Вот эта женщина и стала для меня образцом настоящего учителя, которому я и пытался следовать на протяжении уже своей педагогической деятельности.

**Вера Калмыкова, поэт, филолог (кандидат наук),
искусствовед, литературный критик,
репетитор по русскому языку и литературе (Москва)**

1. Ведущее. Потому что это искусство слова, а человек отличается от остальных млекопитающих тем, что владеет словом. Человеческий язык и, соответственно, речь любого народа развиваются благодаря тем пластическим возможностям, которые открывают в основном поэты. Ломоносов учил соотечественников стройно мыслить, Жуковский — чувствовать и говорить о своих чувствах. Выйдя из средней школы, современный молодой россиянин должен иметь два главные, как мне кажется, навыка — уметь понимать, что он собой представляет, и уметь рассказать другому человеку о себе. Как следствие, знать, что другой человек, в сущности, для самого себя такой же ты, ничем вы в этом плане не отличаетесь. Откуда бы взять такие знания, как не из литературы?

2. В творческом, если понимать под национальным литературным каноном некий, скажем, банк произведений, эстетические достоинства которых бесспорны. Их много, но все же количество ограничено. Сюда же, думаю, входят и лучшие художественные переводы. И распределение произведений по программе с первого по одиннадцатый классы должно происходить с учетом возрастных особенностей восприятия обычного школьника, среднего. Совсем не нужно изучать «Поучение Владимира Мономаха» и «Повесть о Петре и Февронии» в седьмом классе: дети не понимают, проверено. Но вот в девятом подготовить восприятие «Слова о полку Игореве» этими двумя текстами — путь, полагаю, продуктивный: люди уже стали старше, у них больше познавательных возможностей. Нужен и рассчитанный на сильный класс или сильных учеников запас произведений для дополнительного чтения — чтобы не скучали во время уроков. С ними потом можно поговорить о прочитанном, предложить выступить перед классом, рассказать об интересном.

Другой пример — «Обломов». Современный школьник, как правило, считает его скучным и не дочитывает до конца. Почему не изучать вместо него «Обыкновенную историю»? Она непосредственно касается вопросов взросления, воспитания, тех самых идеалов, без которых наша взрослая жизнь оказывается пустой и пресной. Эти идеалы мы тщательно вытравливаем в тех, кто помоложе, ориентируем их на практическую сторону жизни, а потом упрекаем их в цинизме и бездушии. У педагога должна быть возможность выбрать, как вместо «Мастера и Маргариты» — «Белую гвардию».

Переводных произведений бояться не нужно. Если переводчик — мастер, то его произведение — факт русской культуры.

3. Прошу прощения, но определение «элитарный» применительно к гуманитарной сфере считаю неприемлемым. Буду говорить о специализированных школах. Конечно, нужны. Любой человек имеет право развивать свои природные склонности. Настоящий литературоведческий анализ не проще математического.

4. Не то и не другое, думаю, это кризис человечности. Внимательно прочитав дискуссию Мелихова и Пугача, удивилась, почему ни слова не сказано о самой важной, на мой взгляд, проблеме: преподавать литературу в школу идет все меньше ярких, талантливых людей. Как правило, в массе педагогами становятся те, кто не преуспел в других областях. Работа не считается престижной.

А личность учителя значит очень много, он ведь действительно может стать образцом человека. Не потому, что всегда прав, а потому, что знание своего предмета и умение научить сопрягает со способностью любить — в данном случае литературу и обязательно тех, кого учит. Моя ученица, блистательная кстати, окончила вуз и пошла в школу преподавать английский. Она себя на другой работе не мыслит. Дети ее обожают, пишут ей послания по-английски. В одном пакете с каким-нибудь герундием они получают от нее то, что входит в структуру их личности, делает мир вокруг прекраснее для них, и это остается в них на всю жизнь, как встроенная броня.

5. Альтернативные? Давайте для начала разберемся с базовыми. Разрабатываем, как предлагает Пугач, такой курс изучения литературы, который основывался бы на разборе художественного произведения именно как художественного. Иначе великолепная «Капитанская дочка» пропадает для школьника, потому что сейчас для него это роман о каком-то восстании кого-то, жившего в каком-то веке (а у современного ученика с прошедшими веками беда бедовишна, у него Пушкин творил примерно тогда же, когда имела место революция, и Петр Первый где-то около того что-то реформировал). Роман об отношениях власти и человека — куда как современно! Но этот смысл реконструируется из анализа и сопоставления художественных деталей, которые остроумный автор убрал с поверхности. Так мы и рыбку съедим, и кости съедим, в смысле и об искусстве поговорим, и тему-идею-проблему затронем, но! — выведем их сами, на уроках, вместе. «Евгений Онегин» — все еще «энциклопедия русской жизни». Зачем бы она сегодняшнему россиянину 15–16 лет от роду? Ему в этом возрасте интересен только он сам. Интерес к истории в школе проявляется только у тех, кто имеет выраженные способности к этому роду занятий, у всех остальных это происходит позже, годам к тридцати.

Но практически любому школьнику, самому «эстетически невосприимчивому», интересно, что как сделано, как что устроено. Хороший учебник литературы — это сборник, если угодно, лайфхаков, помогающих освоить произведения одно за другим. Для каждого свой алгоритм анализа. Давайте сделаем такой учебник.

Понятно, что пробить сопротивление методистов Минобра — задача примерно для Давида. Но неужели из нас, если соберется человек пятьдесят, не получится коллективный Давид?!

Есть еще один момент. Сейчас акцент делается на будущих айтишников, инженеров, строителей, биологов, то есть на представителей точных и естественных наук. Но великие деятели прошлого, создавшие отечественную науку последних полутора столетий, были людьми высокой культуры. Они знали иностранные языки, читали книги, музицировали. Что далеко ходить — Эмиль Погосович Казанджан, легендарный преподаватель математики в Бауманке, одновременно и коллекционер, и библиофил, и меломан, автор нескольких книг по музыке. Его брат Эдуард, ныне покойный, был таким же. Казанджаны у нас должны быть через одного, если мы хотим вырастить поколение мыслящих, творческих деятелей в «негуманитарной» сфере. Гуманитарное мышление развивает воображение, знания без воображения работают плохо.

6. Надо убедительно жить рядом с ними. Вести диалог. Я вижу то, что видите вы? Я чувствую это, что чувствуете вы?.. Потом: для меня красиво это, что красиво для вас?.. Научиться игнорировать грубость, не слышать ее и не замечать, но вести себя

так, чтобы в твоём присутствии было стыдно грубить (как этого добиться, вот интересно?). И надо, конечно, иметь возможность — и желание! желание! — говорить лично с каждым учеником о нём самом. Потому что молодым людям панически не хватает внимания; даже если его много, то оно какое-то не такое. Человек вдруг понимает, что это стихотворение выражает его чувства... и начинает читать. А после этого удивительным образом Пушкин начинает нравиться больше Маяковского, потому что Пушкин «плавный», а Маяковский «резкий и отрывистый». Но проходит полгода, и выясняется, что Маяковский тоже очень ничего, никакой не резкий, а искренний и глубокий! И тут мы принимаемся потихоньку читать Хлебникова или Мандельштама... От самого себя человек приходит к автору, от автора — к красоте. Но это путь индивидуальный и, бывает, очень долгий. Школой он, по счастью, не заканчивается.

7. Да, помимо Казанджана — моя бывшая сокурсница Светлана Эдуардовна Симакова-Москвенкова. Она преподавала в своём родном Торопце, в Сочи, в Москве, в Твери. Была учителем года, ещё какие-то имеет отличия. Выучила много медалей, победителей олимпиад. Тончайший, аккуратнейший анализ произведения, проводимый эмоционально. Так и надо.

Марина Кудимова, поэт (Москва)

1. До 1917 года литература не была отдельным предметом и входила в курс русского языка. В связи с катастрофическим положением именно предмета «русский язык» и последовательным нивелированием базовой подготовки по русскому языку было бы разумно хотя бы на время вернуться к данному стандарту.

2. Об этом можно будет говорить в случае возвращения в старших классах к изучению истории русской литературы, а не текстов, половина лексического состава которых для большинства учащихся сродни китайской грамоте.

3. Нет, пока не поставлена внятная цель их создания и функционирования, не определен канон и заново не отрефлексирована иерархия литературных ценностей.

4. Вариант два — агония.

5. Никакие, кроме линейного историко-литературного принципа: «ничего лишнего».

6. На сегодня — только адаптированным пересказом классических произведений на доступном учащимся языке.

7. Имеется. Это — я, заинтересовавшая сына подружки и собственных внуков Пушкиным и Гоголем, пересказывая «Повести Белкина» и «Вечера на хуторе...» языком Пелевина и Стивена Кинга.

Александр Кушнер, поэт (Санкт-Петербург)

1—7. Не знаю, как учителя других предметов, но учитель литературы должен любить поэзию и прозу, жить ими, — и никакие методические пособия не могут заменить этого главного, без чего не обойтись. И учеников нельзя обмануть: они прекрасно чувствуют, любит учитель Толстого и Чехова, Пушкина и Лермонтова, понимает ли он, знает ли их, и не только их, но и тех, кто не включен в школьную программу: Боратынского, или Тютчева, или Пастернака, Ахматову, Мандельштама и т. д. И эта любовь учителя к стихам, чтение учителем стихов на уроке, комментированное чтение с умением и готовностью вернуться к только что прочитанной прекрасной строке и повторить ее и восхититься ею очень важны. И примерно то же можно сказать о прозе. Нельзя рассчитывать на то, что ученик сам прочтет Гоголя или Толстого и полюбит их. Надо читать в классе не все подряд, но лучшие, наиболее яркие и незабываемые страницы. И помнить, что главное в искусстве (а поэзия и проза — это ве-

ликое искусство) — не «образы» Татьяны Лариной или Андрея Болконского, а такие строки, как «А мне, Онегин, пышность эта, / Постылой жизни мишура...», с их мелодически переданной, почти напетой лирической печалью, или предсмертные мысли Болконского под небом Аустерлица.

Александр Моисеев, учитель литературы, директор школы (Екатеринбург)

1. Литература должна находиться вне рамок принятой школьной системы оценивания. Учитель литературы должен обладать максимальной свободой в выборе средств и методов преподавания. Если литература остается школьным предметом, то ни изменение в системе оценивания, ни свобода литературе не светят. И тогда зависеть все будет лишь от конкретного учителя, в массе литература будет такой же, как сегодня: ненужной, но обязательной и оттого для многих тошнотворной или попросту скучной.

Может быть, литература должна быть вынесена в отдельный модуль внеурочной деятельности? В систему дополнительного образования? Вроде бы тогда точно еще хуже будет.

Не знаю. Нет решения у меня. Знаю только, что оценивать литературу как физику нельзя.

2. Как работающий с почти поголовно не читающими детьми с окраин города, конечно же, понимаю, как далеки от этих детей все русские писатели, стоящие примерно на одной пыльной полке (для большинства время Ломоносова, время, скажем, Достоевского и время, например, Шукшина — это просто «давно». Да-да. Я не шучу, это так).

Тем не менее если литература остается школьным предметом, то канон должен остаться в программе. Другое дело — тематическое планирование, количество уроков на изучение того или иного автора или произведения и, как следствие, формы работы на уроках и дома. Скажем, в моем классе, где из 31 ребенка 29 — дети мигрантов, из которых четверо почти не говорят по-русски, на изучение любого текста нужно в несколько раз больше времени. И я вообще не вижу смысла в разговоре с ними о Ломоносове, скажем. Но проблема обучения мигрантов — отдельная, здесь я привел это лишь как пример.

Иными словами, программа должна оставить обязательный минимум и свободный максимум.

3. Думаю, да.

4. Хочется верить в первое. Ведь массовые школы существуют во всех странах мира. Но есть примеры, показывающие, что массовая школа способна выращивать людей, адекватных современности и имеющих набор гуманитарных ценностей.

Наша массовая школа перезапротоколирована, перебюрократизирована...

У нас очень неплохой ФГОС, Федеральный государственный образовательный стандарт, но в реальности мы имеем школы, работающие так же, как они работали все последние десятилетия: с диктатом учителя, только фронтальной работой, типовыми домашними заданиями и т. п. Плюс — Рособрнадзор, Роспотребнадзор, прокуратура, комиссия по делам несовершеннолетних, медицинское учреждение, Департамент образования, Министерство образования — это далеко не полный список структур, кто постоянно то проверяет работу школы, то диктует очередные правила. Все это создает дополнительную нервозность, а она, как вы понимаете, имеет свойство передаваться всем, и детям в том числе.

5. Межпредметные кейсы. Я уже давно думаю, как начать внедрять. На уровне школы, пожалуй, в следующем году начну, команда почти есть.

Для меня очевидна ментальная катастрофа, прямо сейчас разворачивающаяся на наших глазах. Мы уже в обозримом будущем пожнем ее плоды. Суть катастрофы в том, что сегодня дети все меньше и меньше способны к абстрактному мышлению и к элементарным переносам и сопоставлениям значений. У меня куча двоек на пробнике ОГЭ по математике. Дети не способны решить задания по геометрии. Простейшие задания. Причина в том, что для них формула (буковки) никак не соотносится с реальностью (пространство).

Необходимо срочно вводить в массовые школы ТРИЗ, теорию решения изобретательских задач, максимум открытых задач во всех предметных отраслях. Выносить задачи из книжки в жизнь.

Одно из моих предложений — межпредметные кейсы. Короткий пример. Даем детям фрагмент из «Таинственного острова» Верна.

И он показал прибор, который заменил ему лупу. Это были просто два кружочка стекла, которые он снял со своих часов и с часов Спилета. Наполнив их водой и скрепив края мягкой глиной, изобретательный инженер изготовил настоящее увеличительное стекло, которое сосредоточило лучи солнца на охалке сухого мха и воспламенило его. Моряк внимательно осмотрел лупу, взглянул на инженера, но опять не сказал ни слова. Зато взгляд его был очень красноречив! Сайрес Смит казался ему если не *божеством*, то, по меньшей мере, *сверхчеловеком*.

Далее задания простым списком, без объяснения, по какому школьному предмету эти задания.

1. Объясни расстановку знаков препинания.
2. Восстанови пропущенное слово и объясни свою логику.
3. Зачем вода между стеклами?
4. Почему лучи солнца, сосредоточенные на охалке сухого мха, могут его воспламенить? Имеет ли значение температура окружающего воздуха и почему?
5. Объясни разницу между значениями выделенных слов.
6. Перечисли произведения, где герои оказываются на острове.

И так далее. Сочинял прямо на ходу, взяв первый попавшийся фрагмент из книги, так что вопросы могут быть другими, их может быть намного больше.

Только постоянное решение ситуационных задач без заранее заданной модели решения поможет детям выбраться из той ямы, куда они скатились. С нашей помощью.

Причем я прошу заметить, что говорю сейчас только о массовой школе на периферии, то есть о том самом «народе», которым станет через десять лет контингент наших школ.

6. Упорным трудом учителя на уроке. Ровно вчера я целый урок пытался добиться, чтобы дети поняли состояние чеховского Тонкого, когда он узнает, что одноклассник уже статский и две звезды имеет. Класс 31 человек. Из них 29 — дети мигрантов из Средней Азии. Из них четверо почти не говорят по-русски.

Они называли чувство — например, уважение назвали в первую очередь, — а дальше мы подробно и детально обсуждали, что такое уважение и как оно может проявляться. Так же с другими чувствами. Дальше я писал на листке название чувства, дети по очереди выходили и пытались его мимически передать (помните, там Тонкий съежился, скрючился, уменьшился, и улыбка расплзлась по лицу), используя возможности лица и тела. И вот так целый урок.

Это первый сложный, микроскопический, но необходимый шаг — сначала эмпатия. Дети сегодня с трудом осознают и определяют мир чувств. Даже своих. А уж чужих подавно. Надо этому учить.

После этого можно потихоньку начинать говорить о красоте и других эстетических категориях. Сначала выработать в них «приборы учета» эстетических переживаний.

Ну а дальше так же: в каждом конкретном случае пахать на уровне театрального института. С вовлечением каждого ребенка.

7. Единого образца нет. Его можно слепить из портретов реальных учителей, которых я встречал и встречаю в жизни. Даже не буду перечислять, чтобы не забыть кого-то. Коротко так. В отличие от учителя других предметов, где технология на уроке может занимать максимум, а личность учителя минимум, на уроке литературы все абсолютно зависит от учителя: как он сам верит в происходящее, насколько он внутри текста. (Оговорюсь! Я только о массовой школе! В элитном филклассе ситуация может быть немного иной, но все равно и здесь личность учителя — главное.)

Олег Рябов, писатель (Нижний Новгород)

1—7. Я считаю, во-первых, что литература является базовым видом искусства: и кино, и театр, и эстрада не существуют без писателя, а очень часто и живопись.

Во-вторых: именно литературный, а не бытовой язык лежит в основе любой современной национальной культуры, а потому литературное образование должно быть обязательным и каноническим для всей страны на базе родной литературы, а изучение или ознакомление с зарубежной литературой возможно лишь как факультатив.

В отличие от физико-математических школ, где идет охота за молодыми мозгами, в литературных школах потребности нет! И не будет, пока профессия писателя не будет признаваться на государственном уровне востребованной, как музыкант или художник.

Я считаю, что школьное образование должно стать государственным делом, учителя должны носить форму, получать зарплату, сравнимую с офицерской в армии: оканчивает студент педагогический вуз — лейтенантские погоны (или что-то сравнимое) и направление на службу, куда пошлют! Директор школы — майор, если в школе 20 классов, полковник — если в школе 1000 человек, региональный министр образования — генерал.

Пока у учителей копеечные зарплаты, в педагогические вузы пойдут учиться только идиоты с очень низким средним баллом! А все дальнейшие выводы следуют отсюда!

Евгений Степанов, поэт, кандидат филологических наук, издатель, руководитель Союза писателей XXI века (Москва)

1. Убежден, что ключевое. Литература — основа основ. В начале было Слово.

2. Национальный литературный канон должен быть превыше всего. Потому что литература — это и мораль, и философия, и мировоззрение... В царской России был важнейший предмет в школе и гимназии — Закон Божий. Этот предмет давал ответы на главные жизненные вопросы. Сейчас такого предмета, к сожалению, нет. И во многом литература отвечает на вопросы.

3. Нужны. Есть же специальные школы с преподаванием иностранных языков, из них, кстати, выходят самые успешные лингвисты. Главная задача человека — найти свой талант. И если этот талант найден в детстве, это будет очень полезно и для человека, и для общества в целом.

4. Кризис роста. Все еще наладится.

5. Когда я учился в московской школе № 407, у нас была очень сильная учительница математики — звали ее Ирина Вениаминовна. Она проводила сверх программы до-

полнительные занятия (для отстающих) и факультатив (для отличников). Было это очень полезно. А вот дополнительных занятий по литературе, увы, не проводили. Во всяком случае, я о них не помню.

Я считаю, что очень полезны школы искусств. Я преподавал в Москве в школе искусств имени Ю. С. Саульского, вел литературный кружок. Одна моя ученица, с которой я занимался с ее десятилетнего возраста, потом поступила в Литературный институт имени А. М. Горького, стала литературным критиком и поэтом. Она хотела получить дополнительные знания — и получила их. Школа искусств ей помогла. Важны также всевозможные литературные объединения, которые, на мой взгляд, чрезвычайно эффективно работали в советское время. Мы десять лет назад при Союзе писателей XXI века создали ПЛК (Профессиональные литературные курсы). И на безвозмездной основе всех желающих приобщаем к литературному процессу, а следовательно, пробуждаем интерес к литературе в целом. Ходят к нам на занятия не только взрослые, но и молодежь. У творческого (пишущего) человека легче вызвать интерес к литературе. То есть важно выявить в личности креативность и попытаться максимально ее развить.

6. Когда я в далекое советское время работал в сельской школе в селе Верхнеспаское (Рассказовский район, Тамбовская область), мои ученики по моей инициативе писали сказки. Замечательные сказки получались, я их потом печатал в нашей районной газете «Трудовая новь». Творческий процесс увлекал ребят, проявлял в них не только литературные способности, но и развивал, я не сомневаюсь, в эстетическом плане. То есть важнейшее дело — воспитание через творчество.

7. Я много учился. И в школах, и в институте, и в университете, и в аспирантуре, и в докторантуре. Защитил кандидатскую диссертацию по филологии в МГУ имени М. В. Ломоносова. Идеальный педагог — мой учитель Сергей Евгеньевич Бирюков, к которому я ходил с моих семнадцати лет в литературный кружок «Слово», потом переименованный в студию «Слово» и Академию Зауми. В дальнейшем Бирюков преподавал на филфаке в Тамбовском университете и в зарубежных вузах, в частности в университете немецкого города Галле. Стал доктором наук. А я помню Сергея Евгеньевича молодым наставником в литературном кружке. И этот кружок мне дал образование и заряд творческой энергии на всю жизнь. Бирюков просвещал, читал нам стихи разных авторов, в том числе тех, которые тогда, в советскую эпоху, не печатались в журналах, обучал различным техникам стихосложения, старался в каждом выявить его сильные литературные стороны. И главное — приобщал к самообразованию, постоянному чтению. Мы с моей прекрасной женой Наташей Лихтенфельд, Царствие ей Небесное, много лет ходили в студию к Бирюкову. Я и сейчас учусь (прежде всего взгляду на литературу) у Сергея Евгеньевича, который постоянно пишет интересные статьи и рецензии и печатает их в моих журналах: «Дети Ра», «Зинзивер» и других. Спасибо ему за все.

Марина Степанова, психолог (Москва)

1. Не имею опыта преподавания литературы, но есть опыт преподавания психологии в школе и вузе, поэтому напрашивается параллель между этими учебными предметами именно в таком возрастном сравнении. Психологию в школе нельзя преподавать так, как мы это делаем в университете. С литературой то же самое. Более того: уроки литературы (и психологии) отличны от уроков химии и математики и даже русского языка. Нынешняя школа отказалась от психологии, но не нашла смелости отказаться от литературы. Самым трудным вопросом для меня является вопрос оце-

нивания (и в психологии, и в литературе). Что является критерием успешности? Знание текстов? Это условие и в литературе, и в психологии, хотя и необходимое условие. Формально, конечно, можно и так оценивать, но все-таки задача значительно шире — использовать это знание в жизни, даже не в школе, а в жизни. Мне видится, что назначение как психологии, так и литературы — создание жизненных ориентиров. Это не исключает эстетического переживания, но и не ограничивается им.

2. Очень важным видится вопрос отбора литературных произведений для школьной программы, именно для программы, то есть для обязательного чтения, поскольку всякое иное уже подбирается в семье и детском сообществе. Осмелюсь предложить критерий такого отбора, который будет зависеть от возраста читателя. Для маленьких читателей начальной школы текст должен быть однозначен по своему смыслу, а для подростков, наоборот, неоднозначен, так, чтобы у читателя была возможность множества прочтений одной книги. В этой связи, конечно, возникает вопрос о соотношении классической и современной литературы, хотя и это, конечно, не противоположные понятия. Выготский, например, обратился к Бунину, они в то время были почти современниками, а «Легкое дыхание» анализируется как образец классического противопоставления формы и содержания.

Отдельно об эстетическом отношении. Довольно давно (50-е годы XX века) в лаборатории Л. И. Божович было проведено исследование, которое показало, что внимание к форме возникает только в средней школе, а до этого главным является содержание. Это лишний раз говорит в пользу того, насколько тщательным должен быть отбор художественных произведений для школьной программы уже в начальной школе, поскольку необходимо подготовить ребенка к эстетическому восприятию.

7. Да, есть живой пример учителя, научившего подростков полюбить чтение как процесс. Уроки строились как совместное эмоциональное чтение-проживание, сопереживание, зачастую сопряженное с посещением театра и опять же с последующим обсуждением впечатлений — именно впечатлений. Это далеко не всегда была школьная программа, что и привело к тому, что учитель не удержался в школе, поскольку детям надо сдавать ЕГЭ.

Было ли в нашей стране читающее поколение? Трудно говорить о прошлом без объективных данных, но раньше книги хотя бы признавались ценностью, пусть это не было ценностью для каждого, но хотя бы знанием о ценности. Не припомню, чтобы раньше книги оказывались на помойке — и это не утратившие актуальность книги по радиоэлектронике и самолетостроению. Должны быть на государственном уровне (не хотелось в политику, а получилось) решения, касающиеся сохранения личных библиотек, когда у человека есть возможность передать книги, сейчас же библиотеки принимают в дар только новые книги. У нынешнего поколения детей есть все условия стать нечитающим, и вот почему: если раньше дошкольники познавали мир через чтение (и родители, и воспитатели читали книги, аналогов не было), то сейчас дети познают мир иначе — как картинку через мультики, и они приходят в школу неготовыми к восприятию текста. Это объективный факт, с которым нельзя не считаться, его оценка — отдельная задача.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*